

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470.332).084.5

«КРАСНАЯ ДАНИЯ»: ОПЫТ АГРАРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В СМОЛЕНСКОЙ ДЕРЕВНЕ 1920-Х ГОДОВ

А. Н. Жуков

Смоленский государственный университет,
Смоленск, Россия

В статье рассматривается механизм аграрной трансформации в 1920-е гг. на примере Смоленского региона. Автор подчеркивает, что в середине 1920-х гг. вследствие хозяйственного тупика стал чрезвычайно актуальным вопрос поиска оптимальной модели дальнейшей аграрной трансформации. В Смоленской губернии это проявилось в выборе «датского» пути развития, для которого характерны высокотоварные фермерские хозяйства, объединённые в разного рода сельскохозяйственные кооперативы с молочно-травопольно-льноводческим уклоном. Такие хозяйства, по мнению автора, могли предоставить большое количество экспортной продукции, но обогащение крестьянства, боязнь власти перерастания нэпа экономического в нэп политический, в конечном счёте, привели к сворачиванию «датского» эксперимента. Остатки данной модели были ликвидированы в ходе политического процесса по вскрытию «смоленского нарыва». Дальнейшее развитие было принудительно направлено по социалистическому пути модернизации с присущими для неё издержками.

Ключевые слова: нэп, хутор, «датский» эксперимент, коллективизация, аграрная трансформация, модернизация, Смоленская губерния.

Опыт социалистической модернизации в Советской России регулярно становится предметом изучения исторических исследований. Появление новых исторических концепций помогает по-новому взглянуть на её процессы, итоги, исторические альтернативы¹.

¹ Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополя / отв. ред. А.П. Скорик. Ростов-на-Дону, 2005; Корнилов Г. Е. Аграрная модернизация в России в XX в.: региональный аспект. // Уральский исторический вестник. 2003. №2(19). С. 4–14; Ильиных В.А. Нэп: поиск оптимальной модели реформирования аграрного строя // Экономическая история. 2012. №1(16). С. 15–26.

В настоящее время исследователи признают, что первый в истории эксперимент социалистической трансформации, осуществленный по пути принудительного насаждения прогресса через коллективизацию и индустриализацию, позволил построить экономику мобилизационного типа. Но какова была расплата за громадный технологический, экономический рывок? Имелись ли реальные альтернативы?²

Одну из альтернатив представляется возможным проследить на примере Смоленского региона. Итак, какие процессы наблюдались в деревне в 1920-е гг.?

Начало эпохи нэпа знаменовалось стихийным продолжением элементов аграрной реформы П. А. Столыпина. Смоленское крестьянство 1920-х гг., проявило неожиданно огромный интерес к строительству хуторов и отрубов, кооперации, усовершенствованию технологий ведения сельского хозяйства. В начавшемся еще до революции процессе наступил теперь новый – социалистический цикл, который проходил в совсем иных социально-экономических и политических условиях.

Что же сделало крестьян такими восприимчивыми к нововведениям в 1920-е гг.?

Одним из факторов служила сохранявшаяся долгие годы низкая эффективность крестьянского хозяйства, ставшая главной проблемой в условиях аграрного перенаселения. За 1917–1926 гг. численность деревенского населения Смоленской губернии выросла на 22,4%. Число хозяйств – на 34,5%. «Черный передел» 1917 г. облегчения в земельном вопросе не принес. Если в 1916 году на один крестьянский двор приходилось 14 дес., а на одну душу населения 2,5 дес. земли, то к 1928 г. на двор приходилось 8,9 дес., а на душу – 1,6 дес.³

К 1923 г. в Смоленской губернии насчитывалось 347,9 тыс. излишних рабочих рук из двухмиллионного населения⁴. Проблема настолько обост-

Bondarev V.A., *Fragmentarnaya modernizaciya postoktyabr'skoj derevni: istoriya preobrazovanij v sel'skom hozjajstve i evolyuciya krest'yanstva v konce 20-h – nachale 50-h godov XX veka na primere zernovyh rajonov Dona, Kubani i Stavropol'ja*, otv. red. A.P. Skorik. Rostov-na-Donu, 2005; Kornilov G. E., *Agrarian modernization in Russia in the XX century: regional aspect*, Ural historical Bulletin, 2003, No. 2(19), S. 4–14; Ilinykh V. A., *NEP: the search for an optimal model of reforming the agricultural system*, Economic history, 2012, № 1(16), S. 15–26.

² Лейбович О.Л. Модернизация в России (к методологии изучения современной отечественной истории). Пермь, 1996. С. 14–20.

Leibovich O. L., *Modernization in Russia (to the methodology of studying modern Russian history)*, Perm', 1996, S. 14–20

³ Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее – ГАНИСО), Ф. 3. Оп. 1, Д. 1552. Л. 11.

State archive of contemporary history of the Smolensk region (GANISO), F. 3, Op. 1, D. 1552, L. 11.

⁴ Население Смоленщины: прошлое и настоящее (историко-демографический очерк) / под общей ред. Казакова А.И. Смоленск, 1996. С. 67.

Population of Smolensk region: past and present (historical and demographic essay), Under the General ed. Kazakova A. I., Smolensk, 1996, S. 67.

рилась, что крестьяне, в первую очередь бедняки, не имея ни сил, ни средств поднимать свои хозяйства, начали массово отправлять «ходовков» для поиска свободных земель в Поволжье и на Урале, распродавать имущество и уезжать на восток.

За годы Первой мировой и Гражданской войн обострилась проблема аграрной техники. Износ, поломки сельскохозяйственных орудий и машин ничем не компенсировались. Если в 1920 г. в губернии насчитывалось 3 028 молотилок и 50 041 веялок, то к 1924 г. оставалось уже 2 442 молотилки и 36 531 веялка⁵. Сокращение сельскохозяйственных орудий отрицательно сказывалось на земледелии. Из-за отсутствия нужного количества зерноочистительных машин на крестьянские поля вместе с посевными семенами попадало до 1 млн. пудов сорного материала, что истощало, засоряло землю и приводило к ежегодным потерям до 10 млн. руб. Проблема низкой урожайности сохраняла свою остроту на протяжении всех 1920-х гг. и особенно проявила себя в 1925 г., когда практически все земли оказались включенными в хозяйственный оборот. Расти «вширь» стало некуда.

Сложной оставалась ситуация в животноводстве. За счёт количественного роста к 1925 г. поголовье скота значительно превысило 1916-й год: коров стало больше на 57%, лошадей – на 22,8%. В то же время кормовая база давно не справлялась с возросшими потребностями. Экстенсивное земледелие при трёхпольной системе вызвало сокращение сенокосов до 1/3 от необходимого минимума. Неурожаи кормовых трав, затяжные весны привели к массовому недоеданию и гибели скота.

Более того, растущая численность скота не сопровождалась его ростом качественным. Почти половина лошадей по военно-конской переписи 1924 г. была маломерной (45,9 %) ⁶. Схожей ситуация сохранялась и с молочным скотом. По признанию партийных работников Рославльского уезда, местная крестьянская корова по своим размерам напоминала крупную козу. Из-за отсутствия удобрений крестьяне вынужденно держали значительное количество малорослого скота только для навоза.

Таким образом, замедлившийся аграрный рост и низкие по сравнению с довоенным периодом 1913 г. показатели урожайности, товарности сельского хозяйства Смоленской губернии на фоне освоения всех запасов пахотных земель свидетельствовали о том, что дальнейшее развитие сельского хозяйства губернии в середине 1920-х гг. оказалось в тупике. Экстенсивный путь оказался невозможен.

Попытки качественного роста предпринимались ранее – крестьяне начали массово «выходить» из общины на хутора. Общинное землепользование явно мешало внедрению хозяйственных улучшений – различные вклинивания, чересполосица, узкополосица, дальнотемье превратились в настоящее бедствие для крестьянских хозяйств. В Бельском уезде в 1926 г. насчи-

⁵ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2640. Л. 41.

GANISO, F. 3, Op. 1, D. 2640, L. 41.

⁶ Там же. Д. 2391. Л. 48.

Ibid, D. 2391, L. 48.

тывалось 750 селений (30 % от их общего числа в уезде), имевших землю на расстоянии от 2 до 5 вёрст. У половины всех селений уезда насчитывалось от 15 до 30 полос земли на двор, причём ширина некоторых из них не превышала 1,5–2 м. На таких кусочках земли нельзя было вести какую-либо улучшенную обработку – делать поперечную вспашку, применять рядовую сеялку, становились неизбежными поправки посевов соседей в случае одновременной уборки урожая и пр.

Напротив, высокая доходность хуторов, их удалённость от посторонних глаз усиливали к ним крестьянский интерес. «Бегство» населения на хутора и отруба к концу 1920-х гг. превратило Смоленщину во всесоюзного лидера по хуторскому землеустройству. В 1925 г. в Смоленской губернии под такими хозяйствами было занято 39,8 % всех крестьянских земель (против 16,9 % в 1916 г.), а в 1927 г. – 51,9 %⁷. В соседних регионах – Белоруссии, Тверской, Псковской и Новгородской губерниях хуторской и отрубной «бум» также был подхвачен населением. В 1925 г. в Псковской губернии удельный вес хуторов и отрубов составлял 29,3 %, в Тверской – 25,3 %, в Белоруссии – 30%⁸. То, чего не мог добиться П.А. Столыпин, сделал нэп.

Местные партийные органы осознавали, что хутора, несомненно, поднимали сельское хозяйство. Но, с другой стороны, как и до революции, хутора, выступая средством по разрушению общины, создавали широкий класс мелких частных земельных собственников – социальной базы существовавшего ранее политического строя (позднее процесс получил название «неостолыпищина»). Последнее в планы партии большевиков явно не входило, но и однозначно отрицательной позиции до 1925 г. сформулировано также не было. Отсюда местные органы на местах могли проявлять всю свою инициативу в деле крестьянской модернизации. Что же происходило на Смоленщине?

С самого начала эпохи нэпа местные советские власти (Смоленское ГубЗУ) организовали помощь в пропаганде агрознаний. В 1923 г. были проведены 760 собраний и конференций для 32 000 крестьян, в 1924 г. – уже 1 339 собрания для 75 000 человек. В 1924 г. были организованы 69 показательных агроучастков (центров сельскохозяйственной культуры, просвещения, опытничества), на которых крестьянам демонстрировали новые методы организации полеводства, удобрения, обработки земель, ухода за посевами (вспашка под зябь, взмет раннего пара). Проводились выставки улучшенного и племенного скота.

Однако масштабы такой помощи оставались явно недостаточными. Растущие трудности крестьянской модернизации «снизу», снижение темпов аг-

⁷ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3804. Л.7.

GANISO, F. 3, Op. 1, D. 3804, L. 7.

⁸ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977, С. 139.

Danilov V. P., *Soviet pre-kolkhoz village: population, land use, economy*, М., 1977, S. 139.

рарного роста требовали более масштабного и решительного плана действий.

До середины 1920-х гг. определенного плана аграрной модернизации не существовало. В Западном регионе в разработке путей дальнейшего развития крестьянских хозяйств принимали участие такие аграрники и ученые-крестьяноведы как Н. Н. Рогинский, А. А. Рыбников, Н. Фролов. Среди них встречались и бывшие земские работники. Многие разделяли идеи организационно-производственной А. Я. Чайнова, либо либеральной школы Н. Д. Кондратьева (разработавшего при Наркомземе 1-й пятилетний план реконструкции сельского хозяйства), поддерживали тесные контакты с бывшими «земцами» из Белоруссии (Горы-Горетский сельскохозяйственный институт, первое специализированное сельскохозяйственное учебное заведение дореволюционной России). Все это, впоследствии, привело к появлению ряда общих для Смоленщины и Белоруссии проектов по реконструкции сельского хозяйства⁹.

Впоследствии проекты были объединены в концепцию модернизации по «датскому пути». Опыт модернизации сельского хозяйства по всей Европе показывал, что Дания по качеству почв, климату, и самое примечательное, наличию чрезвычайно небольших фермерских хозяйств (в 1920-е гг. 32% хозяйств имели до 15 га земли) была очень близка к хуторской Смоленщине¹⁰.

Идея развития по «датскому пути» вполне укладывались в рамки только что объявленного на всесоюзном уровне курса «лицом к деревне». На Смоленщине активным проводником данной модели поначалу выступило Смоленское Губземуправление. А осенью 1925 г. после обсуждений и дискуссий получила официальную поддержку губкома партии. В ноябре 1925 г. на XV Смоленской губпартконференции перед партийными и советскими работниками Смоленской губернии с планом модернизации выступал лично секретарь губкома ВКП (б) Д.С. Бейка.

Согласно «датского» плана аграрной трансформации, Д. С. Бейка предложил сделать поворот на развитие молочного животноводства, на продукцию которого на мировых биржах стабильно держались более выгодные экспортные цены, чем на лен. Расчёты показывали, что отказ от экспорта жмыхи (продукта переработки льносемян) и скармливание его молочному скоту позволял губернии выручать до 12 млн. руб. дополнительной прибыли. Это равнялось 30% товарной прибыли аграрного сектора губернии за год. Поддержка животноводства не исключала развития традиционной для Смоленской губернии культуры льна. Увязку между этими двумя направлениями сельского хозяйства обеспечивали посевы кормовых

⁹ Сацыяльна-эканамічныя практыў працах беларускіх эканамістаў (2-я палова XIX – 1-я трэць XX ст.) / Аўтар-укладальнік У. А. Акуліч; пад. навук. рэд. П. Г. Нікіценкі. Мінск, 2007, С. 126–127.

¹⁰ Население Смоленщины, 1996, С. 75.

Population of Smolensk Region, 1996, S. 75.

трав (клевера) и клубне-корнеплодов (брюквы), за что Д. С. Бейка прозвали «брюквенным социалистом».

Но, пожалуй, главной идеей данной программы стало то, что движущей силой модернизации села объявлялись наиболее передовые крестьяне-новаторы – интенсивники. Предлагалось сконцентрировать все усилия по организационной и материальной поддержке данным хозяйствам. Разумеется, такие хозяйства могли быстро «хозобрастать» и переходить в разряд зажиточных (и «красных кулаков»). Д. С. Бейка высказался против такой боязни. По его мнению, сбережения зажиточных крестьян можно и нужно было вовлекать в социалистическое хозяйствование (путём привлечения в производственную кооперацию), установив за их «эксплуаторскими тенденциями» партийный и государственный контроль. Таким образом, с 1925 г. практика «классового нажима» на региональном уровне официально ослаблялась, прикрываясь официальным курсом «лицом к деревне»¹¹. Поддержка «зажиточного середняка» мотивировалась тем, что последний «вытащит» из тупика все сельское хозяйство, увлекая своим примером остальных крестьян в процесс реконструкции. Весомым аргументом служило и то, что интенсивники охотно объединялись в различные сельскохозяйственные кооперативы: молочные артели, кредитные союзы, машинные товарищества, т. е. «несли большевистскую заразу обобществления в среду сельского хозяйства».

Вскоре модернизация по «датскому пути» с опорой на интенсивника, приводившая к обогащению деревни и формированию фермерских (хуторских и отрубных) хозяйств, стала всё сильнее расходиться с официальным курсом ЦК ВКП (б). Осенью 1925 г. из ЦК ВКП (б) и Наркомзема стали поступать требования формировать в крестьянской среде отрицательное отношение к хуторской системе и агитировать за массовое поселковое землеустройство. Однако на Смоленщине решительного отказа от хуторского землеустройства не произошло. Почему?

Цифры Смоленского губернского статистического бюро показывали, что после перехода на хутора и отруба крестьяне быстро «поднимали» свои хозяйства. По результатам статистического анализа 1925–1926 гг., хуторские и отрубные хозяйства активнее переходили на многополье, лучше удобряли и обрабатывали почву, интенсивнее использовали пашню. К концу нэпа на Смоленщине под многопольем оказалось уже 26,2 % крестьянской земли. Как результат были выше урожаи.

По профильной сельскохозяйственной культуре региона – льноволокну – в 1926-1927 гг. урожайность на хуторе составляла 21 пуд. с дес. против 18,3 пуд. у общинников¹². С распространением молочного животноводства на Смоленщине хуторские хозяйства завели симментальский скот и начали применять «усиленные» корма. В итоге в 1926 г. на хуторах

¹¹ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2637, Л. 37.

GANISO, F. 3, Op. 1, D. 2637, L. 37.

¹² Там же, Д. 4033, Л. 47.

Ibid, D. 4033, L. 47.

средний удой от коровы равнялся 81,6 пудов молока в год, против 58,4 пуд. в общинных хозяйствах. Убойный вес крупного рогатого скота у хуторян вырос до 8,6 пуд. против 6,7 пуд. у общинников¹³.

Постепенно к хуторам и отрубам, составлявшим 43,6 % всех крестьянских дворов к 1926-1927 гг., перешла и основная доля улучшенного инвентаря (68,9%) и сложных сельскохозяйственных машин (58,9 %), принадлежавших крестьянам. Благодаря этому на хутора приходилось 52,6 % всей товарной продукции сельского хозяйства, они оказались в 1,43 раза прибыльнее общинных хозяйств, и эта прибыльность набирала обороты¹⁴. Анализ показал, что в хуторских и отрубных хозяйствах, начиная от середняка с посевом в 4–6 дес., проводилась внутренняя реорганизация (на интенсивный лад). Указанные хозяйства по товарности на душу в 2 раза превосходили соответствующий показатель у общинника с посевом 2–4 дес.¹⁵

Таким образом, аграрная трансформация по пути строительства хуторов ускорила процессы хозяйственного подъёма единоличных хозяйств Смоленской губернии и способствовала их интенсификации. Благосостояние крестьян-интенсивников активно росло. Это стало наблюдаться из данных по численности зажиточной части крестьян-середняков (куда попадали и хозяйства кулаков, составлявшие около 0,2 % хозяйств). Если в 1925 гг. их доля по количеству дворов составляла 3 %, то в 1926 гг. – 5,8 %, а в 1927 гг. – 6,8%. В вопросе о численности кулацких хозяйств на Смоленщине заметна крайне противоречивая оценка: партийные органы неизменно оценивали их в пределах 3 %. Советские органы (Губстат, Губфинотдел) подходили к подсчётам иначе. Они насчитывали явно кулацких хозяйств в 0,4 – 0,5 % (по количеству земли, скота). Остальные (в зависимости от «капиталистических» найма работников и сдачи в аренду сельхозмашин т. д.) были скрыты в численности зажиточных середняков, численность которых в 1926/27 гг. определяли в 6,8 %, а в 1928/29 гг. – 9,7 %¹⁶. При этом к 1926 г. эти хозяйства стали давать 20,8 % всей товарной продукции Смоленской губернии. К сравнению, на долю бедноты (31,1 % крестьянских дворов) приходилось только 12,8 % товарной продукции¹⁷.

Однако к этому времени в официальной позиции ЦК ВКП (б) уже окончательно произошли серьёзные перемены. Курс «лицом к деревне» в центре начали сворачивать. В выступлениях все чаще стали звучать предостережения, что нэп экономический грозит перерасти в нэп политический. Дальнейшая

¹³ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4033, Л. 47.

GANISO, F. 3, Op. 1, D. 4033, L. 47.

¹⁴ Там же. Л. 92–94.

Ibid, L. 92–94.

¹⁵ Там же. Л. 53.

Ibid, L. 53.

¹⁶ Там же. Д. 3789. Л. 71.

Ibid, D. 3789, L. 71.

¹⁷ Там же. Д. 3611, Л. 3.

Ibid, D. 3611, L. 3.

либерализация экономических отношений могла повлечь со стороны экономически окрепшего крестьянства более настойчивые требования демократизации в политической сфере, отказаться от которых будет намного сложнее. Ещё в апреле 1925 г. XIV партийная конференция ВКП (б) в Москве приняла решение о недопущении в кооперацию «явно кулацких элементов». XIV партсъезд того же года провозглашал курс на изоляцию кулака и отрыв от него бедноты. Был поставлен вопрос о социалистической модернизации деревни, т. е. о будущем колхозного и кооперативного строительства. Очевидная хозяйственная выгода хуторов и идеологические рамки, вынуждали смоленские власти в качестве компромисса создавать выселки – хутора (отруба) – пятидворки. Они включали по 5 хозяйств на площади 40–50 дес. земли.

С такими переменами в аграрной политике Москвы «датский» курс аграрной модернизации Смоленского губкома, декларативно заявлявшего о «принятых поправках», всё больше и больше расходился. Ответной мерой стало снятие с поста секретаря губкома Д. С. Бейки в мае 1926 г. Взамен Оргбюро ЦК ВКП (б) выставило кандидатуру из местных кадров – выдвиженца, в прошлом рабочего смоленской катушечной фабрики Д. А. Павлюченко. Перед новым руководителем ставилась задача «исправить» прежний социально-экономический курс. С учётом классового принципа были сформулированы четыре задачи в деле нового пути аграрной модернизации по социалистическому пути.

Во-первых, в противовес частному единоличному (фермерскому) пути развития объявлялся курс на поощрение колхозов и совхозов, многие из которых в середине 1920-х гг. оставались явно убыточными, «проедали» собственный и заемный капитал и разваливались.

Во-вторых, вместо хуторов и отрубов объявлялся твёрдый курс на «строительство» поселков (посредством не только пропаганды, но и возросшего материального поощрения крестьян).

В-третьих, вместо поддержки товарного животноводства (ещё одного из элементов «датского пути») ставилась государственная задача развития льноводства. Государству нужен был экспортный лён (не молоко и сыр, продаваемые крестьянскими кооперативами в Москву), за который можно было выручить столь нужную для страны валюту.

Поощрение товарных зажиточных хозяйств официально сворачивалось, но наступление на кулака пока не объявлялось, хотя всё более явной становились элементы его дискриминации – прогрессивная ставка в налогообложении, ограничение в снабжении сельскохозяйственными машинами, семенами и кредитами, лишение избирательных прав.

Однако несмотря на формальное объявление в Смоленской губернии отказа от наиболее «одиозных» направлений аграрной политики (хуторов, поощрения зажиточных крестьян), движение по «датскому» пути продолжилось и в 1926–1928 гг. Хутора и отруба сохраняли лидерство в землеустройстве. К 1934 гг. местным Губземуправлением планировалось перевести на хутора и отруба 72,2 % землеустраиваемой площади.

В кооперации и в кредитовании также оставался «перекос» в пользу зажиточного крестьянства. В 1927 г. беднота (32,4 % общего количества крестьянских дворов) в числе пайщиков имела долю в 26,6 %, тогда как на долю зажиточной и верхушки деревни (6,8 % хозяйств) приходилось 17,6 % пайщиков и 8,2 % членов правлений¹⁸.

Молочное и мясное животноводство продолжило захватывать традиционные районы товарного льноводства – в Вяземский, Гжатский, Сычевский уезды. Даже в кризисный 1927/28 гг. на фоне общего падения товарности сельского хозяйства товарность по молоку давала стабильный прирост на фоне общего сокращения поголовья коров в 1926–1928 гг. с 534,9 тыс. до 490 тыс.¹⁹

Однако начатое в 1926–1928 гг. усиление классового нажима в налоговой политике начало ставить определённые границы (по количеству доходов, голов скота, орудий труда), препятствовавшие дальнейшему росту зажиточных и наиболее товарных хозяйств. Разумеется, часть зажиточных хозяйств за счёт кумовства и взяток скрывало свои размеры и продолжала рост. Но, в основной массе, классовый принцип неизбежно вёл к застою высокотоварных хозяйств, готовых давать всё больше товарной сельскохозяйственной продукции для растущего экспорта и грядущей индустриализации. В то же время бедняк и середняк – социальная опора советской власти в деревне, на которую делали ставку в Смоленском губкоме при Д. А. Павлюченко, – изначально не имели возможностей к масштабной интенсификации сельского хозяйства. Возникла тупиковая ситуация.

Снижение товарности льна в неурожайный 1927-й год, а также кризис льнозаготовок и закономерно кризис хлебоснабжения (по принципу «не дадите льна – не привезём хлеба»), поразившие Смоленскую губернию в 1927/28 гг., наглядно это показали. Хозяйства, особенно высокотоварные в традиционно льноводных районах (Сычевском, Гжатском, Вяземском уездах), сократили посевы льна и перешли на более выгодные для них молочное и мясное животноводство. Одновременно деревенская беднота, взявшаяся за льноводство весной 1927 г. в центральных и западных районах, благодаря государственной поддержке по программе контрактации (деньгами и семенами), зачастую не имела практического опыта выращивания и обработки культуры льна и не смогла выполнить выставленные планы по заготовкам льна. Отдав страховые посевы хлеба под засев льна, беднота оказалась перед угрозой голода. Падение хлебного ввоза в губернию и рост цен осенью-зимой 1927–1928 гг. поставили новых производителей льна в критическое положение. Разумеется, в тяжёлом положении бедноты и существовавших трудностях льнозаготовок и хлебозаготовок были обвинены кулаки и спекулянты, «придержавшие излишки в целях

¹⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 113. Д. 622. Л. 70.

Russian state archive of socio-political history (RGASPI), F. 17, Op. 113, D. 622, L. 70.

¹⁹ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2391. Л. 47.

GANISO, F. 3, Op. 1, D. 2391, L. 47.

вздутия цен». Чрезвычайные мероприятия зимы–весны 1928 г. (с применением статьи 107 УК РСФСР) по заготовкам льна и борьбе с хлебной спекуляцией результатов, с одной стороны, не дали и крайне обострили взаимоотношения крестьян и властей, с другой – «провал» заготовок льна и кампаний по «выколачиванию» льна из зажиточных хозяйств на Смоленщине повлекли вмешательство из Москвы.

В мае 1928 г. Оргбюро ЦК ВКП (б) была принята резолюция «О положении в Смоленской губпарторганизации». По оценке проверявших Смоленскую губернию членов ЦК (Я. А. Яковлева (Эпштейна)) и ЦКК (Б. Л. Цейтлина и Ф. Ф. Лякуткина) кризис в смоленском сельском хозяйстве был вызван «неправильной политикой» в деревне – продолжавшейся со времен Д. С. Бейки ставкой на зажиточного середняка и хуторизацией Смоленщины. В ходе чисток партийного и государственного аппарата 1928 г. были «вычищены» старые (в т. ч. и земские) кадры, организованы показательные суды над работниками, «извратившими классовую линию». Наиболее основательно «чистили» аппарат Смоленского губземуправления.

Новый состав Смоленского губкома во главе с С. В. Борисовым, обновлённый в ходе политического процесса по вскрытию «нарыва», летом 1928 г. приступил к развороту аграрной модернизации на социалистические рельсы – в полном соответствии с решениями XV партсъезда.

Курс крестьянской модернизации по фермерскому (хуторскому) пути с середины 1928 г. окончательно сворачивался. Запрещалось хуторское и отрубное землеустройство. Поддержка зажиточных крестьян – интенсивников официально приравнивалась к окулачиванию. Кулачество стало показательной мишенью дискриминационной политики власти. Строжайше запрещалось продавать сельскохозяйственные машины в кредит для кулаков. Только – за наличные. Объявленный запрет на выдачу кредитов кулакам в январе 1928 г. теперь стал жёстко выполняться. В земельной политике губком ВКП (б) 20 сентября 1928 г. поручил новому Губземуправлению «отрезать» у крупных «нетрудовых эксплуататорских хозяйств» (в количестве около 2500 – 3000 дворов) земельные излишки с передачей их колхозам или бедняцким хозяйствам.

Но наиболее решительный удар по интенсивникам и крестьянской верхушке наносился через «налоговое удушение». В 1928/29 гг. в налоговое законодательство были внесены изменения – теперь кулацкие хозяйства облагались в индивидуальном порядке с учётом всех доходов (не только от сельского хозяйства). Крестьяне-передовики (интенсивники), ранее пользовавшиеся скидками по единому сельскохозяйственному налогу (за племенной скот и проч.), в новом 1928/29 гг. обязывались платить налог в полной мере. На 10,2 % крестьянских дворов, где были интенсивники, было возложено 52,2 % крестьянских платежей (единого сельхозналога)²⁰. Такая мера была воспринята крестьянами как «военная контрибуция», ответом на которую стало сворачивание товарных хозяйств – массовый забой

²⁰ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2391. Л. 47.
GANISO, F. 3, Op. 1, D. 2391, L. 47.

скота и отказ от посевов. Началось сползание товарности сельского хозяйства вниз.

Одновременно начал форсироваться альтернативный курс аграрной модернизации – по пути создания высокотоварного колхозно-кооперативного сектора с масштабной механизацией сельскохозяйственного производства. Осенью 1928 г. на Смоленщине численность колхозов была доведена до 384, что на 66,2 % больше 1927 г. Количество объединяемых ими крестьянских хозяйств удвоилось – с 1 141 до 2 713²¹. Однако этаф цифра выглядела каплей в крестьянском 300-тысячном море. Впереди был решительный рывок.

Таким образом, заложенные ещё в дореволюционную эпоху процессы органической модернизации получили продолжение в эпоху нэпа. Для Смоленщины характерной чертой стала либеральная модель решения аграрного вопроса, хуторизация, кооперирование, развитие товарного животноводства – всё это укладывалось в «датскую» модель аграрной трансформации, получившую поддержку смоленского Губкома ВКП(б). Основным инициатором данной модернизации выступала хозяйственно активная часть крестьян–интенсивников, проводившая внедрение технических и аграрных новшеств.

Такая модель не являлась единственным средством решения аграрного вопроса. Советская власть не отказывалась от идеи строительства социалистических форм ведения сельского хозяйства. Но существовавшие в то время колхозы и совхозы практически разорились, и их существование поддерживалось за счёт финансовой и иной помощи от местных властей, вызывая к себе зависть и ненависть окружающих крестьян. Они были далеки от широко распропагандированного образца, призванного в отсталой стране «революционизировать» сельскохозяйственное производство.

В хозяйственной жизни смоленской деревни в 1920-х гг. одновременно существовали два вектора модернизации: «снизу» – рыночный капиталистический (крестьянский нэп с идеалом выйти на хутора) и «сверху» – государственный социалистический (кооперация под плановым началом, колхозы, совхозы). Поиск и обсуждение дальнейших направлений развития сельского хозяйства, его модернизации в 1920-е гг. вызывали к жизни идеи, проекты вокруг которых в «большой политике» формировались соперничавшие группировки. Некоторые из предлагавшихся идей проходили испытания в регионах. В Смоленской губернии это нашло отражение в «датском» эксперименте. После сворачивания данного проекта в течение 1926–1928 гг. на Смоленщине начался постепенный поворот на колхозно-кооперативный путь модернизации. Он проводился в относительно «мягком» варианте. Предполагалось, что колхозно-кооперативный сектор как более хозяйственно совершенный в процессе эволюции постепенно вытеснит все остальные уклады. Победа сталинской команды привела к форси-

²¹ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3734. Л. 13.

GANISO, F. 3, Op. 1, D. 3734, L. 13.

рованию темпов коллективизации и принудительному ее проведению. Альтернативные варианты аграрной трансформации были отвергнуты.

Список литературы:

1. Корнилов Г. Е. Аграрная модернизация в России в XX в.: региональный аспект // Уральский исторический вестник. 2003. №2(19). С. 4–14.
2. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. – 318 с.
3. Ильиных В.А. НЭп: поиск оптимальной модели реформирования аграрного строя// Экономическая история. 2012. №1(16). С. 15–26.
4. Лейбович О.Л. Модернизация в России (к методологии изучения современной отечественной истории). Пермь: ЗУУНЦ, 1996. С. 14–20.

Об авторе:

ЖУКОВ Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, Смоленский государственный медицинский университет, (Россия, 214019, г. Смоленск, ул. Крупской, 28), e-mail: alexey-baxt@mail.ru

«RED DENMARK»: EXPERIENCE OF AGRARIAN MODERNIZATION IN THE SMOLENSK VILLAGE OF THE 1920S.

A. N. Zhukov

Smolensk State Medical University,
Smolensk, Russia

The article considers the mechanism of agrarian transformation in the 1920s at the Smolensk region. In the 1920s, during the NEP, modernization processes were continued along the path of the Stolypin agrarian reform. The creation of farms, mass cooperation and withdrawal from the peasant community – all that could not be achieved «under P. A. Stolypin» was realized thanks to the huge desire of the peasant masses "from below" and the support of local authorities «from above». However, the economic impasse caused by the extensive development of agriculture in the mid-1920s raised the issue of searching for an optimal model for further agricultural transformation. In the Smolensk province, this was manifested in the choice of the «Danish» way of development –high-commodity farms, United in various types of agricultural cooperatives with a dairy-grass-flax bias, could provide a large number of export products, for which the Soviet government could receive much-needed currency for the needs of industrialization. The accompanying enrichment of the peasantry, the fear of the economic NEP growing into a political NEP, eventually led to the collapse of the «Danish» experiment. The remnants of this model were eliminated during the political process – the «Smolensk abscess». Further development was forcibly directed along the socialist path of modernization with its inherent costs.

Keywords: *NEP, farmstead, «Danish» experiment, collectivization, agrarian transformation, modernization, Smolensk province.*

About the author:

ZHUKOV Alexey Nickolaevich – The Candidate of History, the Associate Professor, the Smolensk State Medical University, (214019, Smolensk, Krupskaya str., 28), e-mail: alexey-baxt@mail.ru

References:

- Kornilov G. E., *Agrarian modernization in Russia in the XX century: regional aspect*, Ural historical Bulletin, 2003, No. 2(19).
- Иlinykh V. A., *NEP: the search for an optimal model of reforming the agricultural system*, Economic history, 2012, № 1(16).
- Leibovich O. L., *Modernization in Russia (to the methodology of studying modern Russian history)*, Perm', 1996.
- Danilov V. P., *Soviet pre-kolkhoz village: population, land use, economy*, M., 1977.

Статья поступила в редакцию 15.04.2020 г.